

УТВЕРЖДЕНИЕ РЕАЛИЗМА

15

ЯНВАРЬ

21

1975

ПРАВДА
г. Москва

— Театр переживает ренесанс реализма,— эта фраза в той конкретной обстановке произвучала неожиданно, тем и запомнилась.

...Мы, несколько человек,шли по почтому Белграду после спектакля гастрольного «авангардного» театра. Историю любви играли молодые люди в звериных шкурах, по ходу дела, впрочем, сбрасывая их. Вообще-то зрелище не из приятных — это уж точно. В конце же концов шокировала не просто одежда или отсутствие ее. До оскорбительного уровня животного здесь человека низводило все: примитивный текст, даже не текст, а какие-то несвязные выкрики; характер производимых на сцене телодвижений; неопрятные тряпки вместо декораций; желание (или неумение) исполнителей проникать в психологию персонажей...

Каждый из нас по-своему возмутился, горячился.

— Я думаю, — вдруг без видимой связи сказал Мирослав Белович, — что театр переживает сейчас эпоху ренесанса реализма.

Сказал — и вывел «звериное» зрелище за скобки искусства. Его, коммуниста с тридцатилетним стажем, воспитанника Ленинградского театрального института, режиссера, поставившего на югославской сцене многие ключевые пьесы русской и советской классики, интересовала тенденция развития современного театра, а не однодневки капризной моды.

Югославия — страна фестивалей: международных, общесоюзникских, театральных, фольклорных, кинемато-

графических, музыкальных; проводятся здесь ежегодные смотры современной драматургии, конкурсы радиопостановок, спектаклей одного актера и т. д. На фестивалях международных о собственно югославском театре сведения получаешь отрывочные. В этом смысле интересной оказалась поездка в Дубровник.

...Под самым небом, на крепостном валу громко, на весь белый свет плакал юноша, почти мальчик. Мир рухнул в одном человеческом сердце, но миру до этого не было никакого дела. Над крепостью, как всегда, весело искались юные звезды. Однако чувства людей и на подмостках и в зрительном зале, счастливо улыбались друг другу в бальном танце короли и королева, а нового повелителя Дании славили пышечные залпы да механически восторженные возгласы «Да здравствует король!» Только мальчик, бывший в отчаянии и одиночестве, того не знал, что внизу на длинных лодочных скамейках сидят люди семидесятых годов двадцатого века и вместе с ним переживают, как сегодняшний, «миг молчания, страсти и опыта, ... и всего, что познал и постиг». В Дубровнике, в крепости Ловренца, шла трагедия Шекспира «Гамлет» в исполнении фестивального драматического ансамбля. Режиссер Дино Радович и артист Раде Шербеджия, переплавив в себе опыт предшественников, сумели вновь открыть в Гамлете самые живые черты.

Дубровнический международный фестиваль музыки, театра и фольклора в 1974 году отметил свое 25-летие. Главная примета этого ежегодно проводимого праздни-

ка — самый высокий критерий искусства. Хотите, чтобы ваше выступление назвали сенсацией? Покажите мировой класс мастерства. Такой сенсацией минувшим летом стала здесь, к примеру, пермская балерина Надя Павлова.

Тенденция развития искусства пролегает через его вершины. Мы снова говорим об этом с Мирославом Беловичем уже в Москве.

...Что нам за дело до того, каким путем приобрел и потерял свои капиталы банкир Глембай и кем была прежде его жена, красавица баронесса Шарлотта? Однако чувства людей и на подмостках и в зрительном зале, кажется, одинаково напряжены. На медленно вращающемся сценическом круге завершается кровавая драма буржуазной семьи. В Москве, в Театре имени Енг. Вахтангова, идет премьера «Господа Глембай» в постановке Мирослава Беловича.

Мирослав Крлежа, автор которого принадлежит пьеса, ныне живущий классик югославской литературы. Поэт, прозаик, драматург, он посетил молодую Советскую республику и стал страстным пропагандистом ленинских идей. Открытый антибуржуазный пафос объединяет все написанное им пьесы, и, может быть, наиболее беспощадно он проявлялся в пьесе «Господа Глембай», обладшей многие сцены мара. Эту страсть художника-гуманиста несут сегодня московские артисты.

Действие происходит в 1913 году — накануне первой мировой войны, накануне крушения австро-венгерской им-

перии, великих революционных событий. Это трагическое для участников драмы «пака-пуне», склоняющее за каждой строкой и судьбой в пьесе, Белович доводит до предела. Кажется, будто воздух на сцене заряжен высоковольтным током и все здесь готово вулканически взорваться. Столь темпераментная режиссура требует самой высокой актерской культуры — иначе «кровавая драма» может сорваться на истериическую поту, и крупный идеальный замысел неизбежно потеряет свою глубину и масштабность. Такую высокую культуру Белович нашел в ансамбле исполнителей нового спектакля, отмеченному той мерой вкуса, которая, по Пушкину, есть «чувству соразмерности и сообразности».

Работу художника Иосифа Сумбаташвили, артистов Юрия Яковлева, Людмилы Максаковой, Василия Ланового, Григория Абрикосова, Евгения Каильских отличают поэтическое вдохновение и точный художественный расчет, безукоризненный профессионализм и человеческое ветеранодушие. Понятие — коллектив единомышленников — здесь воистину в месту. Югославских и советских художников сплотило сражение против лжи, корыстолюбия, жестокости, карабинизма, фарисейства, несего того, что будет уродовать человека до тех пор, пока в мире существует социальная, классовая разъединенность людей. Завершилось взаимоинничтожение Глембая. Но сколько еще на земле династий, чья привилегия — деньги, чье оружие — лицемерие, чье процветание — попранные права миллионов. Все они — на вулкане, которому сужде-

но взорваться, — эта страстная мысль выводит спектакль «Господа Глембай» за пределы семейной драмы в ранг произведений искусства, поднимающихся до социальных и философских обобщений.

В дни вахтанговской премьеры гости из Югославии показали в Московском Доме актера еще один интересный спектакль. Актриса Югославского драматического театра Майя Дмитриевич сыграла три вариации монодрамы Жана Коクト «Голос человеческий», содержание которой — последний телефонный разговор между женщиной и оставляющим ее любимым человеком. Мирослав Белович ставит спектакль сначала по классическим законам Стапи-слайского, потом, не меняя ни одной буквы, решает его в комедийном ключе: «подставляется» другой характер — и все события выглядят в ином свете. Третий вариант: как сыграл бы данную пьесу «авангардный», или, как его еще называют, «физический» театр. С потолка свисающие капаты, актриса в черном трико кувыркается, берет с пола то одну, то другую маску. Слова выкрикиваются, но видно, что можно обойтись и без них — они несут «служебную» функцию. И все. И нет драмы, и страсти заменены инстинктами.. Но вдруг актриса вырывается из маски, подходит к рампе и тихо произносит последние слова пьесы: «Я тебя люблю». И все. И «модное» представление потеряло смысл.

Самым современным на сцене остается, как и прежде, жизнь человеческого духа...

Г. КОЖХОВА.
Дубровник — Москва.